



НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 111

DOI: 10.18287/2782-2966-2023-3-1-106-112

Дата поступления: 01.02.2023
принятия: 20.03.2023

Г. Шольц
Рурский университет,
г. Бохум, Германия
E-mail: gunter.scholtz@ruhr-uni-bochum.de

Корни спора о герменевтике*

Аннотация: в статье исследуются причины и предпосылки современных трудностей в герменевтике, вызванных смешением различных понятий интерпретации. Рассматриваются три тенденции, повлиявшие на трансформацию понятия интерпретации в 19 веке: 1) снижение роли автора, сопровождаемое увеличением роли интерпретатора, 2) расширение границ применимости интерпретации с текста до мира в целом, повлекшее за собой размывание предмета герменевтики, 3) вытеснение традиционной герменевтики текста герменевтическими философиями. Различаются жёсткая и мягкая интерпретации, являющиеся основанием для возникновения разных типов герменевтики.

Ключевые слова: герменевтика; интерпретация; жёсткая интерпретация; мягкая интерпретация; герменевтика текста; герменевтическая философия; Шлейермахер; Бёк; Дильтей; Хайдеггер.

Цитирование: Шольц Г. Корни спора о герменевтике // Семиотические исследования. *Semiotic studies*. 2023. Т. 3, № 1. С. 106–112. DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-106-112>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шольц Г., 2023 – почетный профессор Рурского университета, GA 3/132, 44801, Германия, Бохум, Университетская улица, 150.

© Перевод Нестеров А.Ю., 2023 – доктор философских наук, доцент, директор социально-гуманитарного института, заведующий кафедрой философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

G. Scholtz
Ruhr Universität,
Bochum, Germany
E-mail: gunter.scholtz@ruhr-uni-bochum.de

Roots of disputes over hermeneutics**

Abstract: The article investigates reasons and preconditions for current difficulties in hermeneutics, caused by confusion of interpretation different concepts. The work considers three trends that affected the transformation of the interpretation notion in the 19th century: 1) the author role reduction followed by the interpreter role augmentation, 2) interpretation applicability expansion from the text to the world as a whole, resulting in the hermeneutics subject diffusion, 3) substitution of the text traditional hermeneutics by hermeneutic philosophies. Hard and soft interpretations are distinguished that base formation of hermeneutics different types.

Keywords: hermeneutics; interpretation; hard interpretation; soft interpretation; text hermeneutics; hermeneutic philosophy; Schleiermacher; Boeckh; Dilthey; Heidegger.

Citation: Scholtz, G. (2023), Roots of disputes over hermeneutics, *Semioticheskie issledovanija. Semiotic studies*, vol. 3, no. 1, pp. 106–112, DOI: <http://doi.org/10.18287/2782-2966-2023-3-1-106-112>.

Information about conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Scholtz G., 2023 – Professor emeritus, Ruhr Universität Bochum, GA 3/132, 150, Universitätsstraße, Bochum, 44801, Germany.

© Translation Nesterov A.Yu., 2023 – Doctor of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute of Social Sciences and Humanities, Head of the Department of Philosophy, Samara National Research University, 34, Moskovskoe Shosse (St.), Samara, 443086, Russian Federation.

* Впервые статья опубликована в сборнике «Литературоведение и герменевтика. Феномен границы в литературе». Вып. 6. Научн. ред. А.Ю. Нестеров, Н.Т. Рымарь. «Самарская гуманитарная академия», 2010. Статья печатается с разрешения редакции сборника для расширения читательской аудитории.

** The article was first published in "Literaturvedenie i hermenevtika. Fenomen granicy, Literature Studies and Hermeneutics. Boundary phenomenon in literature". Issue 6. A.Yu. Nesterov, N.T. Rymar (ed.), Samara: "Samara Humanitarian Academy", 2010. The article is being published with the collection editor's consent in order to expand the readership.

Введение

Положение дел в среде специалистов по пониманию не радует, ведь именно они столь часто не понимают друг друга и увязают в разногласиях. Когда вышла первая критика на книгу Гадамера *Истина и метод*, автор ответил, что его неправильно поняли. До сих пор нет единства в вопросе о том, чем собственно является герменевтика: методологией гуманитарных наук или общей философией оснований, или тем и другим? Чтобы ориентироваться в этой дискуссии, я предложил в статье в *Дильтеевом Ежегоднике* различать как минимум три формы герменевтики: а) техническую или методическую герменевтику, устанавливающую правила обнаружения смысла текста; б) философскую герменевтику, занятую поиском условий понимания; и в) герменевтическую философию, истолковывающую жизненный мир, наличное бытие человека, его историю и т.д. Под именем герменевтики рассматриваются, таким образом, очень разные вопросы и проблемы, которые необходимо различать во избежание конфузов. Я рад видеть, что моё предложение нашло поддержку. И всё же здесь я хотел бы не повторять мои тезисы, а предпринять новую попытку исследования этих проблем. Сейчас я буду говорить скорее не о понятии герменевтики, а о понятии интерпретации и концентрироваться на понимании текстов.

Ход исследования

Начала герменевтики – это справедливо подчёркивается большинством учёных – лежат в языческой античности и иудаизме, когда определённые пассажи классических или священных текстов подвергались аллегорической интерпретации, помогавшей справиться с трудностями понимания. Если буквальный смысл тех текстов не соответствовал высокой нормативной задаче регулирования мышления и поведения, он расценивался как неистинный смысл; трудность разрешали, интерпретируя сказанное буквально в качестве образного выражения некоторого мыслимого глубинного смысла. Первая герменевтика была, таким образом, не теорией, но отрефлектированной практикой толкования, а задачей интерпретации было сохранение и подтверждение авторитета и значимости нормативных текстов. Несмотря на то, что подобная тенденция сохраняется вплоть до Гадамера, в светском мире герменевтика пошла совершенно иным путём. Важным в той древнейшей позиции мне здесь представляется лишь следующее: герменевтика возникла, когда понимание натолкнулось на препятствия и границы. Об этом сегодня нужно напоминать, ведь некоторые открывают происхождение герменевтики в провозглашении божественных посланий через посланника богов Гермеса, а иные полагают, что герменевтике вообще всё понятно. Нет: в начале герменевтики

стояло препятствие понимания, непонимание, на которое необходимо было реагировать.

Лишь в Новое время формируется понятие герменевтики, и лишь здесь она выступает под этим именем как собственно теория. Наряду с учениями об истолковании в теологии и юриспруденции, в 17-м и 18-м веках возникает «общая герменевтика», которая больше не подразумевает наличия у текстов законных истин, но исходит из того, что чтение и понимание литературы позволяют расширить знание. Поэтому данные теории истолкования часто находят своё место в приложении к логике. Значимыми представителями этой герменевтики Просвещения являются, например, Хладениус, Крузиус и Георг Фридрих Майер, которые сформулировали среди прочих следующие правила обнаружения смысла текста:

1. Чтобы правильно понимать текст, необходимо знать язык и литературные конвенции, находившиеся в распоряжении автора, настолько хорошо, насколько это возможно.

2. Необходимо выяснить как внешнюю, так и внутреннюю ситуацию автора, т.е. его точку зрения или его перспективу, необходимо пытаться самому встать на эту точку зрения, чтобы не приносить в текст собственные мысли, чуждые его автору.

3. Необходимо подразумевать наличие смысла в каждом тексте до тех пор, пока не потерпят неудачу все искренние попытки извлечения смысла из текста (принцип доверительной или благожелательной интерпретации).

Эти требования значимы по сей день. Ведь мы не будем интерпретировать текст автора, не владея хорошо его языком и не будучи знакомыми с формами его выражения; не будем никому приписывать то, что он в своей ситуации не мог сказать или написать; и мы не будем вправе поспешно объявить текст бессмысленным, подвергнув его несправедливому суждению. Поскольку эти правила действительно до сих пор, но в новой философской герменевтике не играют больше никакой роли, некоторое время назад возникло стремление к возвращению к общей герменевтике Просвещения (Werner 1993; Bühler 1994; Petrus 1997), сейчас по этому вопросу есть качественная литература. Данное стремление в Германии осуществляется как контрдвижение и критика герменевтики школы Хайдеггера.

Если Просвещение уже показало важнейшие принципы интерпретации, то почему его методы не сохраняются и не уточняются – как это делалось, например, Шлейермахером и Бёком, – почему герменевтика в 20 в. стала камнем преткновения в философии и во всех науках о культуре? Виновата ли в этом только бессодержательность мысли или односторонность некоторых теоретиков, сформировавших такое нерадостное положение дел; или виноваты проблемы, находящиеся в самом предме-

те, т.е. в текстах и в деле интерпретации? Мой тезис заключается в том, что имеет место и то, и другое. Чтобы это разъяснить, я буду далее говорить о многозначном понятии интерпретации. Начиная с 19-го в. можно установить три тенденции, существенно трансформирующие это понятие. 1. В деле обнаружения смысла значение автора постоянно уменьшалось, а значение интерпретатора возрастало. 2. Употребление понятия интерпретации вышло за границы интерпретации текста и начало использоваться в качестве общего понятия освоения мира, в качестве такого же мягкого понятия познания. 3. Новое мягкое понятие познания повлияло на интерпретацию текста, включило её в себя.

1. *Автор, чьи мысли в концепции герменевтики Просвещения должна была раскрывать интерпретация на основании его речи или письма, потерял значение во многих областях. Благодаря этому, как казалось, интерпретация потеряла определённый смысл.*

Уход автора со сцены имеет две базовых причины: а) тексты обнаружили избыток смысла, который не мог быть сведён к авторской интенции; б) интерес привлекли тексты, автор которых не был известен, которые вообще не имели индивидуального автора. Ещё в 18-м в. Хладениус открыл, что в случае некоторых текстов можно мыслить больше, нежели хотел выразить автор. Однако Хладениус не разобрался с этим феноменом и впал в противоречия. С одной стороны, он считал такие тексты особенно плодотворными, с другой стороны, он называл их непонятными, поскольку подлежащий раскрытию смысл для него был тем смыслом, о котором мыслил автор, интендированным смыслом. Его теория стремилась дать правила для «правильного истолкования разумных речей и писаний», как указывает само название его работы, т.е. для философских и исторических текстов. Следует согласиться с тем, что для этого жанра литературы на самом деле в первую очередь должен стоять вопрос о том, что именно полагал автор. Библия же была передана Хладениусом теологии, а поэзия лишь затронута. Однако чем больше интерпретация обращалась к поэзии и изображала её как продукт гения, тем больше признавалось, что смысл текстов способен перешагивать интенцию автора; философ Просвещения Кант утверждал, что гению предписывает правила *природа*. В контексте такого рода подхода поэтический текст не мог быть сведён к осознанной воле его создателя. Герменевтическое следствие из этого вывел Фридрих Шлегель. Чем более «классическим» и значимым является произведение литературы, тем большую полноту смысла оно в себе содержит, так что интерпретация не может прийти к завершению. Мы ни в коем случае не можем исходить из того, что гений отчётливо осознаёт эту полноту смысла. Т.к. все языковые выражения содержат нечто, что го-

ворящий или автор не знали. Шлегель и Шлейермахер по этой причине формулируют знаменитую формулу, согласно которой интерпретатор должен сначала понять текст настолько же хорошо, как автор, а потом понять его лучше, нежели он. Интерпретатор может и должен, таким образом, как перенимать горизонт автора, так и перешагивать его.

Однако учёные-гуманитарии в 19-м в. обратились к исследованиям литературных свидетельств, у которых был известен не автор, а в лучшем случае тот, кто эти свидетельства сохранил и передал, а именно к традиционным правовым нормам, сказкам, легендам и мифам. Встать здесь на точку зрения автора было безнадежным занятием. Но несмотря на то, что указать на создателя было нельзя, или в лучшем случае можно было обозначить в качестве создателя некоторый коллективный субъект, народ, культуру или определённый социальный слой, эти свидетельства были полны смысла и крайне интересны. Когда же убедились в том, что эти источники являются основанием позднейших произведений, созданных конкретными авторами, герменевтика Просвещения оказалась малопродуктивной. В этом может заключаться одна из причин того, что во второй половине 19-го в. интерес к герменевтике был потерян. Когда Дильтей начал свою отмеченную премией работу по истории герменевтики, он вынужден был объяснять своему отцу, священнику, что такое герменевтика вообще.

Когда автор перестаёт быть решающей инстанцией, конституирующей смысл, ей становится интерпретатор. Он предоставлен теперь самому себе, он один должен решать, что можно ответственно сказать о тексте; тем самым интерпретирование хоть и получает свободу, но необходимая цель потеряна, и начинается непримиримый спор интерпретаторов. Превосходство интерпретатора обнаруживает себя вскоре в новом убеждении, согласно которому понимание завершается лишь в истолковании, т.е. в речи интерпретатора. Старейшая герменевтика с полным основанием отличала понимание, *vis intelligendi*, от истолкования, *vis explicandi*. Потому что не всё, получаемое нами в сообщении и понимаемое, – что идёт дождь или что $2*2=4$, – мы истолковываем, а истолкования обычно ориентированы на определённых адресатов, на их язык и способность к восприятию. Поэтому Шлейермахер оставлял истолкование в стороне и говорил, что в его герменевтике речь идёт только о понимании, но не о сообщении того, что понято, другим субъектам. В новых концепциях это разграничение исчезает. Переформулируя оставленные Дильтеем намёки в теорию, Георг Миш представляет в начале 20-го в. точку зрения, согласно которой понимание завершается лишь в истолковывающей речи. Хайдеггер и Гадамер также представляют данную точку зрения. Если по Хайдеггеру понимание всегда подразумевает понимание *чего-то в качестве*

чего-то – свет в ночном небе *в качестве* луны – то можно догадаться, что для него понимание включает в себя собственный язык.

В 20-м в. вопрос об авторе, как известно, принял драматические формы. После того, как в переживании автора видели источник смысла его текста, была провозглашена «смерть автора», а теперь я слышу, что он совсем не мёртв и возвращается обратно. Даже в моём ближайшем окружении, в нашем институте в Бохуме, нет единства по вопросу о том, обладает ли интенция автора большим значением для герменевтики или нет. Поэтому я вкратце обрисую свою позицию по этому вопросу.

Основная ошибка большинства философов и теоретиков искусства, как мне кажется, заключается в том, что они рассматривают лишь те тексты, которые им интересны, создавая общую теорию на основании некоторого определённого феномена. Тот, кто занимается современной лирикой, легко приходит к тезису, согласно которому тексты не обладают никаким ясно ограниченным смыслом. Тот, кто читает научные доклады и участвует в дискуссиях, обращает внимание на интенцию авторов и говорящих и видит в общем именно в ней единственную цель истолкования. По этой причине классическая герменевтика учила различать жанры; ведь легко можно согласиться с тем, что письмо незнакомца мы читаем иначе, нежели античный миф, и что хорошая инструкция по эксплуатации не так открыта смыслу, как современное стихотворение. Самый мудрый ответ на вопрос о роли автора дали поэтому, как мне кажется, ещё Шлегель и Шлейермахер с упоминавшейся формулой понимания автора так же хорошо и лучше, причём они очень хорошо знали, что роль автора может колебаться и стремиться к нулю. Ведь даже открытые произведения задуманы и сделаны как таковые, так что автор не стал здесь безразличен. Тот, кто сомневается, следует ли принимать во внимание *intentio auctoris*, сможет, вероятно, согласиться с Умберто Эко в том, что существует как минимум *intentio operis* – нельзя же, например, считать, что сказка стремится сообщить нам исторические факты. Таким образом, смысл текста, если он вообще может быть понят, всегда ограничен и не является свободным полаганием интерпретатора.

Возможно, мне возразят, что продуктивность литературоведения заключается именно в том, чтобы постоянно прочитывать произведения по-новому и иначе, чтобы один и тот же роман интерпретировать *в качестве* примера литературы некоторой эпохи, *в качестве* выражения некоторой социальной ситуации, *в качестве* разработки психологического конфликта и т.д. Но я соглашусь здесь с Э.Д. Хиршем и это занятие отграничу от герменевтического понимания как «критику», для которой герменевтическое понимание является предпосылкой. Потому что как бы мы ни интер-

претировали роман, с точки зрения психоанализа, теории дискурса или деконструкции, – в любом случае мы должны его сначала прочитать и понять. Кроме того, литературные тексты, как правило, настолько сложны, что мы всегда можем концентрировать внимание на новых аспектах.

Итак, падение значимости автора и доминирование интерпретации являются первым важным корнем герменевтического разногласия. Потому что интерпретации, кажется, методически уже невозможно ограничить. Однако данный спор имеет и другие основания, находящиеся уже вне поля истолкования текстов.

2. *Понятие интерпретации было расширено, выведено за границы понимания текста и превращено в понятие, обозначающее познание мира. Благодаря этому предмет герменевтики оказался размыт.* Уже в 18-м в. под «герменевтикой» могла пониматься теория истолкования всех знаков, даже «естественных» (Г.Ф. Майер). Но лишь в 19-м в. она стала центральным учением о методе наук о культуре. Август Бёк объяснил герменевтику и критику в качестве ключа к пониманию всех видов деятельности человека и её результатов, т.е. всех областей культуры. Однако теория Бёка полностью располагалась внутри традиционного понимания герменевтики, поскольку она всё ещё была учением о методе, и она могла им быть, поскольку рассматривала предмет интерпретации как укоренённый в когнитивных способностях человека, как то, к чему человек стремится и осознанно воспроизводит (интерпретация есть «познание познанного, «воспроизведение произведённого»). Но рядом возникают совершенно новые интерпретации или новое понятие интерпретации.

Ещё Френсис Бэкон рассуждал об «интерпретации природы». Но он имел в виду при этом индуктивный метод, а его рассуждения не получили широкого распространения. В конце 18-го в. Кант обозначил теодицею «истолкованием мира», а телеологический взгляд на природу и историю – как было отчётливо показано (Makkeel 1997, p. 181) – был для него истолкованием или интерпретацией. Такого рода истолкование представляло собой для Канта не рациональное знание как достижение рассудка и не иррациональный образ, но достижение силы воображения и силы суждения. Интерпретация является здесь одновременно и мягким понятием познания, подразумевающим знание пусть и когнитивное, однако методически не выводимое и не проверяемое. Здесь формируется понятие истолкования или интерпретации, которое постепенно будет становиться всё более важным в философии в качестве основополагающего отношения к миру. Молодой Карл Маркс объявит в 11-м тезисе о Фейербахе, что философы лишь «интерпретировали» мир различным образом. У Дильтея читаем, что наша интерпретация мира

включается вместе с языком, и такого рода истолкование продолжается всё новыми способами в религии, поэзии и философском мировоззрении. Так уже у Дильтея появляется основополагающее определение человека как существа интерпретирующего; ведь поскольку мы не только живём, но и рефлектируем над жизнью, как-то относимся к ней, мы постоянно заняты истолкованием нашего наличного бытия. В особенности Ницше использовал это широкое понятие интерпретации и даже приписывал всем органическим живым существам эту деятельность интерпретации. Невозможность для человека существовать иначе, нежели понимая и истолковывая, Хайдеггера «Фундаментальная онтология» объясняет как «экзистенциал», фундаментальную характерную черту человеческого наличного бытия. Таким образом, начиная с 19-го в. всё больше и больше говорят не об интерпретации текстов и культурных феноменов, но об интерпретации мира, природы, жизни, собственного Я, наличного бытия и т.д. Теперь можно спорить о том, за какие именно истолкования вообще отвечает герменевтика. Герменевтика Гадамера говорит как о понимании текстов, так и о понимании мира.

Так как сегодня многие ошибки в области герменевтики суть результат смешения понятий интерпретации, необходимо прояснить различия между ними. Ещё для Бёка герменевтика была научным методом, его рассуждения по этому поводу были частью его *Энциклопедии и учения о методе филологических наук*. Те интерпретации мира не являются научным мероприятием; они суть – как мы сегодня говорим – *только* интерпретации, но не знание в строгом смысле. По этой причине их может быть много без того, чтобы возникал спор об истине; Ницше говорил, что мир допускает бесконечно много интерпретаций; Дильтей разъяснял, что спор между конкурирующими мировоззрениями неизбежен, ибо жизнь многозначна и может интерпретироваться по-разному. Бёк и герменевтика подразумевали, что подлежащий раскрытию смысл коренится в мысли создателя и может быть лишь извлечён, пусть даже и в процессе бесконечного приближения. Истолкование же мира не знает авторов, которые бы устанавливали или ограничивали смысл, смысл осуществляется впервые в интерпретации, т.е. интерпретатором, и поэтому нельзя говорить о приближении к смыслу. Герменевтическая интерпретация была уже Шлегелем обозначена как «реконструкция»; а интерпретации мира были установлениями или конструкциями. Так как в герменевтике интерпретируемое всегда восходит к человеческому создателю, к ней может присоединяться критика как суждение и оценка сказанного и сделанного. Когда же истолковываются природа или жизнь, критика отпадает; мы не критикуем космос или природу или человека как человека. Всякая интерпретация текста способна

к цитированию, т.е. к включению элементов интерпретируемого в свой собственный язык, однако интерпретация мира на это, естественно, не способна. Такое широкое понятие интерпретации оказалось связано с науками только благодаря тезису о том, что в основании наук уже лежат фундаментальные предварительные установки или истолкования мира. (В этом смысле Ницше говорил, что не существует фактов, лишь интерпретации.)

Чтобы отделить друг от друга эти два очень различных понятия интерпретации, мы можем более старое научное понятие из гуманитарных наук назвать «жёстким», новейшее же понятие «мягким» понятием интерпретации, т.к. интерпретация теперь является *только* интерпретацией, уже не научным познанием. В том, что у Хайдеггера и Гадамера называется герменевтикой, мы видим все признаки этого позднейшего мягкого понятия: отсутствуют автор, критика и метод. Если спросить, как вообще можно говорить об истолковании или интерпретации мира или жизни, последует ответ: как и в интерпретации текста, так и в интерпретации наличного бытия или мира речь постоянно идёт о взаимосвязи части и целого, где целое, как правило, не дано, а воображается силой воображения. (Это можно разъяснить на примере рассматривавшихся Дильтеем мировоззрений. Если материалист типа Гольбаха интерпретирует весь мир как переплетение каузальных законов, он включает в это переплетение и осознанное решение, принимаемое человеком. Тот же, кто, будучи идеалистом типа Фихте, исходит из свободного Я, будет весь мир понимать в качестве его продукта.)

Однако Хайдеггер настаивал на том, что его истолкование наличного бытия является строгим методом, а, поскольку он первым и развязал философский спор вокруг герменевтики, я должен вкратце разъяснить его позицию. Уже Дильтей показал, что метод требуемой им «описывающей и расчленяющей психологии» должен быть интерпретативным: так же, как мы понимаем предложения, жесты и поступки лишь в соответствующем контексте, «во взаимосвязи целого», нужно и психологии интерпретировать отдельные психические факты в их взаимосвязи. Таким образом, уже у Дильтея психологическое «описание» является, в конечном счёте, некоторой «интерпретацией». Сходным образом Хайдеггер превращает «дескриптивную феноменологию» своего учителя Гуссерля в истолковывающую, герменевтическую феноменологию; её цель – не перечислять единичные элементы человеческого существования, но вскрыть «структурное целое» наличного бытия. Поэтому тезис Хайдеггера в *Бытии и времени* звучит так: «методический смысл феноменологической дескрипции есть истолкование» (Heidegger 1960, p. 37). Его метод истолкования выступает, таким образом, с претензией на большую от-refлектированность и соразмерность,

нежели Гуссерлев метод описания. И всё же я считаю, что и его метод следует назвать *мягкой* интерпретацией. Потому что Хайдеггер обращается исключительно к непосредственной очевидности, не зная ни правил, ни проверяемых высказываний, так что уже в 1933 г. Иаохим Риттер мог сказать по поводу его фундаментальной онтологии, что в работе Хайдеггера речь идёт о «чуждом науке мировоззрении». Так как в любом случае необходимо различать два понятия интерпретации, следует также отличать и герменевтику в традиционном узком смысле, герменевтику текста, от герменевтических философий, которые истолковывают жизнь и наличное бытие или рефлектируют над такими истолкованиями.

Второе важное основание спора вокруг герменевтики заключается, таким образом, в конкуренции двух понятий интерпретации: интерпретации как *раскрытия смысла* текстов и прочих выражений человека и интерпретации как *восприятия мира* и как *описания* наличного бытия, жизненного мира, определённого опыта и т.д. Чем больше в герменевтике текста авторская интенция вытеснялась на задний план, а понимание связывалось с истолковывающей речью, тем легче эти понятия могли быть смешаны. Нигде в литературе школы Хайдеггера я не встречал этого разграничения и никто из новых защитников герменевтики Просвещения, как мне кажется, до сих пор явно не признал, что об интерпретации можно говорить в совершенно новом, ином смысле. При этом мягкое понятие употребляется даже в теории науки: Карл Поппер, например, рассуждает об интерпретации фактов в свете теории (Popper 1966).

3. В 20-м в. традиционная, методическая герменевтика была вытеснена на задний план тезисом о том, что понимание наличного бытия является условием понимания и интерпретирования в гуманитарных науках. Герменевтика стала расцениваться как теория оснований гуманитарных наук, не умея, однако, занять какую-либо позицию по отношению к проблемам метода. Лишь с Хайдеггером герменевтика становится средоточием философии и тем самым философским камнем преткновения. Однако это именно новая, иная герменевтика, философия, примыкающая к указанным интерпретациям мира и жизни, а не к тому, что раньше называлось герменевтикой. Она исходит – как мы видели – не из традиции истолкования текстов, но из трансформации феноменологии Гуссерля. К тому же Хайдеггер утверждает, что его концепция является единственно истинной. В 1923 г. он читает лекцию о «герменевтике фактичности» и сетует, что понятие герменевтики ограничено методологией гуманитарных наук, в то время как она в первую очередь и прежде всего должна заниматься пониманием фактического наличного бытия и его истолкованием (Heidegger 1923, p. 14). В *Бытии*

и времени потом разъясняется, что понимание нашего наличного бытия, нас самих и нашего мира является основанием всякого другого понимания. *Изначальное* понимание есть наше доверительное отношение к таким вещам, как «стол, дверь, повозка, мост». Понимать их – значит знать, как с ними всё обстоит на самом деле (Heidegger 1923, p. 37), а всякое другое понимание строится на этом или руководствуется им. Герменевтическая философия, истолковывающая наличное бытие человека, показывает себя, таким образом, и как философская герменевтика, теория оснований всех наук об интерпретации. Концепция Хайдеггера получила большой резонанс, это собственно и понятно: разве можно понять знаменитый рассказ «Старик и море», если не знать, что такое море, что такое акулы, что такое лодки и т.д., что такое забота о поддержании жизни, что такое страх и разочарование? Понимание литературы подразумевает самым очевидным образом понимание жизни и мира. Мы подходим к текстам с предзнанием, с некоторым «предварительным пониманием» и должны это делать, если мы вообще хотим что-то понять.

Каким бы очевидным это ни казалось, однако Хайдеггер не смог прояснить переход от понимания наличного бытия к пониманию текстов, поскольку у него совершенно не учитываются два элемента: другой субъект и система языка. Однако Шлейермахер и Бёк, уточняя мысли Просвещения, именно в них видели два фундамента герменевтики, т.к. всякая речь и всякий текст обусловлены, с одной стороны, индивидуальностью говорящего, с другой стороны, (относительно) общим языком. У Хайдеггера же другой появляется исключительно в качестве «друга», с которым ты всегда мыслишь одинаково; а язык настолько тесно соединён с наличным бытием, с его «открытостью» (раньше сказали бы «с сознанием»), что уже не способен выступать ни в качестве субъекта предданной системы, ни в качестве языка другого или хотя бы иностранного языка. Поэтому Хайдеггер не в состоянии показать, каким образом в акте чтения возникает новый опыт, выходящий за пределы нашего прежнего понимания мира и наличного бытия. И поэтому не удивительно, что для его герменевтики наличного бытия не существует более трудностей понимания, бывших ранее причиной возникновения герменевтики. А это, в свою очередь, привело к тому, что всю герменевтику стали упрекать в том, что для неё не существует никаких границ и она растворяет всё чужое в своём.

Уже Дильтей специально занимался условиями понимания и обнаружил их в «жизни», которая сама себя «интериоризирует» и понимает. Но ему удалось немного лучше прояснить переход от этого понимания к литературной герменевтике и герменевтике текста: интериоризация себя является основой для «элементарного понимания»,

для понимания выражений другого (поскольку я сам грустил, я могу понять слёзы другого) (Dilthey 1927, p. 207). Это элементарное понимание другого становится основой для «высшего» понимания в гуманитарных науках, которое имеет дело уже не непосредственно с жизнью, но с образованиями «объективного духа», т.е. например, с поэзией, и которое поэтому должно быть знакомым с формами объективного духа, прежде всего с языком. Другие субъекты и формы «объективного духа» – это элементы, которые встречаются уже у Дильтея и ограничивают абсолютную свободу интерпретации. Ведь мы не имеем права выворачивать наизнанку ту мысль, что помыслена другим субъектом, а язык и литературное произведение предъявляют нам правила, которые мы не в состоянии игнорировать. Т.к. всякое понимание, по Дильтею, включает деятельность силы воображения, оно способно включать опыт, выходящий за пределы «действительной жизни», так что моё наличное бытие есть условие, но не граница понимания как такового (Dilthey 1927, p. 215).

Заключение

По этой причине Дильтея представляется мне ключевой фигурой в споре о герменевтике. С одной стороны, «герменевтика» была для него всё ещё учением о методе и из его набросков следует, что интерпретация текста имеет две стороны: она есть форма «индукции» (Dilthey 1927, p. 216-220) и требует одновременно интуиции или силы воображения. С другой стороны, он интересовался преимущественно условиями понимания, обнаруживая их в конечном итоге в «жизни», являвшейся для него основой «объективного духа». Поэтому анализ форм объективного духа уступает у него интересу к жизни и психологии. Хотя и подчёркивается, что обычай, язык, право, искусство и т.д. всегда индивидуальны, а поэзия, в отличие от жизни человека, изображает некоторую «новую реальность», тем не менее мы не обнаруживаем у Дильтея никакой философии языка, равно как и никакого анализа семантического круга значений отдельных знаковых систем, как они разрабатывались в 18-м в. Хайдеггер радикализовал этот вопрос о последнем основании, концентрируясь только на понимании наличного бытия; складывается впечатление, что для Хайдеггера истолкование в гуманитарных науках подразумевает исключительно «собственное», т.е. аутентичное, существование и самопонимание. Однако это заблуждение. Чтобы понять упоминавшийся рассказ Хемингуэя, недостаточно того, чтобы мне было открыто моё наличное бытие, скорее, я должен знать язык, а лучше всего язык автора; я должен уметь отличать исторические сообщения от вымышленных историй; и тогда я смогу получить представление о некоторой форме жизни, которая не является моей собственной.

Во всяком случае, в центре интересов позднего Хайдеггера располагалось уже не существование, но язык, миф и искусство, а примыкающая к нему герменевтика Гадамера настолько тесно связала понимание с языком, что всё понимаемое – для примера и музыка тоже – стало языком. Исследование методической герменевтики и проблем иностранных языков и литератур было заброшено и Гадамером, который перенял предубеждение Хайдеггера, что методы овеществляют свои предметы как в филологии, так и в естественных науках, превращая их в безжизненные объекты. Против этого, примыкая к классической герменевтике, сразу выступили Бетти, Виакер и Э.Д. Хирш, однако они не получили отклика. Когда в постмодернизме любая интерпретация была объявлена правильной, Умберто Эко написал, что интерпретация текстов стала походять на пикник, для которого автор приносит с собой кушанья (слова), а интерпретатор – меню (смысл) (Eco 1992, S. 77) (Сравнение восходит к Лихтенбергу). Эко сначала представлял концепцию «открытого произведения», позднее, однако, ввиду безумствующего произвола интерпретаций, он был вынужден сформулировать границы интерпретации художественного произведения, сняв её произвольность. Я считаю, эту тенденцию следует поддержать.

References

- Bühler, A. (1994), *Unzeitgemäße Hermeneutik. Verstehen und Interpretation im Denken der Aufklärung*, Tübingen.
- Dilthey, W. (1927), *Gesammelte Schriften, Bd.7: Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften*, Stuttgart, Germany.
- Eco, U. (1992), *Die Grenzen der Interpretation*, München, Wien.
- Heidegger, M. (1923), *Ontologie. Hermeneutik der Faktizität, Gesamtausgabe. Bd. 63*, Käte Bröcker-Oltmanns.
- Heidegger, M. (1960), *Sein und Zeit*, 9, Aufl. Tübingen.
- Makkreel, R. (1997), *Einbildungskraft und Interpretation. Die hermeneutische Tragweite von Kants Kritik der Urteilskraft*, Paderborn.
- Petrus, K. (1997), *Logik, Rhetorik und Hermeneutik im 17 Und 18. Jahrhundert*, Berlin, New York.
- Popper, K. (1966), *Logik der Forschung*, 2. Aufl. Tübingen.
- Werner, A. (1993), *Hermeneutica Generalis. Zur Konzeption und Entwicklung der allgemeinen Versteherlehre im 17 Und 18. Jahrhundert*, Stuttgart.

Submitted: 01.02.2023

Accepted: 20.03.2023